

Святые мученики виленские — Антоний, Иоанн и Евстафий

Икона из виленского Свято-Духова монастыря

К статье проф. Д. П. Огицкого «К истории виленских мучеников», сс. 226–216

Профессор Д. П. ОГИЦКИЙ

К ИСТОРИИ ВИЛЕНСКИХ МУЧЕНИКОВ

В 1927 году в польском католическом журнале «*Źródła mocy*» («Источники силы») была опубликована статья «Легенда о трех виленских мучениках», принадлежащая перу тогдашнего председателя правления «Общества друзей наук в Вильне» Владислава Загорского¹. В статье этот факт мученичества при Ольгерде (в 1347 году) трех его придворных, принявших христианство, — Антония, Иоанна и Евстафия, почитаемых в Православной Церкви святыми, отвергался как вымышленный. Загорский свою точку зрения аргументировал тем, что о мученичестве этих святых не упоминают «наши», т. е. польские, историки — Длугош, Стрыйковский и Хроника Быховца. По утверждению Загорского, легенду о мучениках создали (*stworzyli legendę*) в XVI веке униатские писатели: Кульчинский (*Menologium bazylijańskie*), Пушаковский (*Kalendarz polityczny*), Дубович (*Hierarchia*), Коялович (*Miscellanea*), а потом подхватили другие. В скобках заметим, что никто из перечисленных Загорским писателей не относится к XVI веку, кроме того, не все они униаты. Иезуит Коялович и униат Дубович — писатели XVII века; базилианин Кульчинский и издатель упомянутого «Политического календаря» иезуит Пошаковский (а не Пушаковский) жили в первой половине XVIII века.

Вслед за Загорским польско-католический историк Казимеж Ходыницкий в том же году в журнале «*Ateneum Wileńskie*» (IV, 13, с. 416—451) опубликовал большую статью «Происхождение и развитие легенды о трех виленских мучениках»². Будучи не вполне согласным с трактовкой В. Загорского, К. Ходыницкий согласен с ним в главном — в отрицании самого факта мученичества. Сущность же расхождения у этих двух историков в следующем. Загорский утверждает, что «легенда» о виленских мучениках возникла в XVI веке на территории Речи Посполитой и что творцами ее были униаты. Согласно Ходыницкому, «легенда» создана была в Москве, и творцами ее, следовательно, были православные. Ходыницкий тоже говорит о позднем возникновении «легенды», но, будучи несколько более осведомленным в исторических материалах, чем Загорский, понимает, что отодвигать происхождение «легенды» на очень позднее время, как это делает Загорский, нельзя, и склоняется к тому, чтобы отнести его к концу XV века (с. 442).

Если в настоящей статье мы сможем выявить более ранние исторические свидетельства о мучениках, чем те, которыми располагал Ходыницкий, у нас отпадет необходимость заниматься отдельно утверждениями Загорского.

Что же говорит и на что ссылается Ходыницкий?

По утверждению Ходыницкого, легенда о виленских мучениках со-здалась в Москве, служила интересам Москвы и впервые была зафиксирована в тенденциозных московских источниках, враждебных католицизму, Литве и Польше (с. 424, 427). Такими источниками Ходыницкий считает летописи Ермолинскую, Софийскую (очевидно, Софийскую Первую) и Воскресенскую. Самым ранним он считает известие о мучениках, записанное в Ермолинской летописи. При этом Ходыницкий относит эту самую раннюю, по его мнению, запись то ко второй половине XV века (с. 420—421), то к XVI веку (с. 427), то «к началу XVI или концу XV века» (с. 421).

Как бы то ни было, известие это Ходыницкий считает слишком поздним для того, чтобы принимать его за достоверное. Этот главный аргумент Ходыницкого едва ли можно было бы признать обладающим силой бесспорного, в желательном для Ходыницкого смысле, доказательства, даже если бы оказалось, что, действительно, никаких более ранних свидетельств о литовских мучениках, как то со всей решительностью утверждает Ходыницкий (с. 442), нет и что в этом смысле ермолинское известие обладает абсолютным приоритетом. Из дальнейшего мы увидим, что таким приоритетом ермолинское известие и не обладает вовсе, поскольку имеются о литовских мучениках значительно более ранние неоспоримые исторические свидетельства. Между тем, Ходыницкий так развивает свою мысль: «Имел место случай, не отмеченный ни в одном современном местном источнике, не зафиксировали его также современные хроники тех земель, с которыми Литва имела непосредственное соприкосновение, и только спустя полтора столетия находим известие об этом в источниках Москвы. Это нечто совершенно непонятное. Остается еще одно *ultimum refugio* (sic!) защитников всякого рода фикций — пропавший источник» (с. 423—424), но и эта гипотеза, при отсутствии каких бы то ни было подтверждений в устной традиции и других записях, кроме московских, по мнению Ходыницкого, отпадает (с. 423—424). Ходыницкий склоняется к выводу, что в данном случае «мы имеем дело не с фактами, а с литературной фикцией, с плодом фантазии летописца» (с. 424).

Остановимся сперва на летописных свидетельствах, *известных* Ходыницкому, и, прежде всего, на упомянутой выше Ермолинской летописи.

«Ермолинской» летопись названа по имени московского зодчего XV века Василия Ермолина, для которого в 1472 году был изготовлен этот список с летописи ростовской редакции. Список был дополнен сведениями о деятельности самого Ермолина. До нас он дошел в копии, по-видимому, очень точной, сделанной в последнем двадцатилетии того же XV века. Писец Ермолинской летописи счел нужным дополнить свою работу несколькими сообщениями о современных ему событиях, т. е. о событиях, имевших место после 1472 года, и довел эти записи до 1481 года. Это говорит о том, что имеющийся в нашем распоряжении список (со списка 1472 года) сделан был когда-то вскоре после 1481 года. Нет никакого основания относить Ермолинскую летопись к XVI веку, как это пытается делать Ходыницкий.

В Ермолинской летописи под 1347 годом записано:

«Того же лѣта убыен бысть от Олгерда Круглець, нареченны Еустафей, иза православную вѣру и положен у Николы в Вилне с сродники своими Антонием, Иваном, иже такоже пострадаша за вѣру»³.

Аналогичное известие о мучениках имеется в значительной части других сохранившихся русских летописных списков XV—XVI веков, захватывающих события XIV века, а именно — в различных списках летописи Воскресенской, в различных списках летописи Софийской I, в списках: Львовском, Уваровском, Типографском, Ворошиновском, в летописи, которую цитирует Н. М. Карамзин⁴, в Степенной книге и др.

Среди этих списков, содержащих известие о виленских мучениках, на первое место по древности выдвигаются три списка трех различных летописных сводов: 1) упомянутый выше Ермолинский список ростовского свода, 2) обнаруженный в 1928 году Уваровский список московского свода конца XV века (ПСРЛ, 25 т.) и 3) список Оболенского, представляющий первую редакцию летописи Софийской I, т. е. свода московско-новгородского происхождения. Древнейшим из этих сводов, по-видимому, следует считать тот, который отражен в списке Оболенского, т. е. Софийскую I. Ходыницкий ошибается, когда говорит, что Шахматов относит составление Софийской I к 1488 году. В действительности академик А. А. Шахматов определяет время составления первой редакции Софийской I годами 1448—1462. «Первая редакция, — говорит он, — составлена во всяком случае раньше 1462 года»⁵.

Первая, или старшая, редакция Софийской I представлена списками Оболенского и Карамзиновским (оба конца XV века; список Оболенского сделан не позже 1481 года). Списки Царского, Толстовский, Воронцовский представляют младшую редакцию Софийской I. Во всех этих списках, одной и другой редакции, известие о виленских мучениках имеется и формулировка его идентична. Но старшая редакция Софийской I, по словам М. Д. Приселкова⁶, не является протографом для младшей редакции. Каждая из этих двух редакций восходит к своему собственному протографу, который в свою очередь восходит к какому-то объединяющему эти два промежуточных протографа первоисточнику. Этот последний, можно думать, содержал оригинал того текста известия о мучениках, который повторяется без существенных изменений в целом ряде дальнейших летописных списков, причем не одной только софийской группы.

Список Оболенского, древнейший из списков этой группы, еще не опубликован в той его части, где это известие имеется. Но, судя по ссылкам на него в подстрочных примечаниях к 5-му тому «Полного собрания русских летописей», и в этом списке дается стереотипный текст известия о мучениках, мало чем отличающийся от текстов других летописей⁷.

Неизвестно, что Ходыницкий имеет в виду, когда говорит о молчании более ранних летописей. Что это за более ранние? Сам Ходыницкий не называет ни одной из них. Нам, правда, известно о летописных сводах, составлявшихся и в XV, и в XVI веках. Но ни один из них, как указывает М. Д. Приселков, не дошел до нас в подлинном виде⁸. Один из таких сводов, известный под названием «Полихрон», составленный при митрополите Фотии (1410—1431), послужил источником для других, тоже не сохранившихся, сводов, списки с которых представлены рукописями Ермолинской и Уваровской⁹. Не располагая текстом «Полихрона» митрополита Фотия, мы, конечно, не можем ручаться за то, что уже «Полихрон» Фотия включал известие о трех наших мучениках. Но изображение этих святых, вышитое на саккосе того же митрополита

(о чем речь ниже), говорит о полной возможности этого и, что самое главное, является убедительным доказательством того, что Москва хорошо знала о их подвиге задолго до появления Ермолинской летописи.

Свою точку зрения Ходыницкий пытается, как мы видели, обосновать также ссылкой на отсутствие сведений о мучениках «в современных хрониках тех земель, с которыми Литва имела непосредственное соприкосновение». Наиболее тесное, непосредственное соприкосновение Литва имела (после присоединения к ней в XIII веке Черной Руси) с княжествами Полоцким и Минским. При Ольгерде территория этих княжеств входила уже в состав Литовского государства. Но ни полоцких, ни минских летописей не сохранилось никаких — ни современных Ольгерду, ни позднейших, что историками рассматривается как большая потеря для историографии Литвы¹⁰.

Ходыницкий ссылается также на молчание о мучениках современных им, иначе говоря, современных событиям середины XIV века, летописей новгородских и псковских. И опять возникает вопрос: какие, конкретно, летописи и летописные списки он имеет в виду? Прямого ответа на этот вопрос он не дает. Между тем, существует лишь один-единственный новгородский список XIV века. Это — Синодальный список так называемой Первой Новгородской летописи старшего извода, представляющий Новгородский летописный свод, доведенный до 1333 года (мученики скончались в 1347 году) и содержащий несколько позднейших, сделанных другими почерками, приписок к нему, касающихся сугубо местных новгородских дел за годы 1337, 1345 и 1352. Ни в этих позднейших приписках, ни в основном летописном тексте этого единственного новгородского списка XIV века нет даже упоминания об Ольгерде и о литовских делах. Странно, что Ходыницкий счел возможным в своей статье о мучениках сослаться на молчание о них «современных» новгородских летописей, т. е. новгородских летописей XIV века.

О «современных» псковских летописях, на которые тоже ссылается Ходыницкий, можно сказать приблизительно то же, что и о новгородских. Древнейший (не дошедший до нас) псковский свод-протограф, с которого делались сохранившиеся псковские летописные списки, был составлен в начале 60-х годов XV века¹¹, т. е. спустя более, чем сто лет после мученической кончины трех христиан-литовцев. Таким образом, о современных им псковских летописях мы, по сути дела, ничего не можем сказать.

Древнейшие летописи, писанные на территории Литвы (списки: Супрасльский, Уваровский-Слуцкий и другие), восходят своими истоками к XV веку, к последним годам княжения Витовта (умер в 1430 году). По своему содержанию это — общерусские летописи, восполненные краткой историей князей литовских после Гедимина. Основное внимание в них уделено Витовту. Автор протографа этих летописей не был современником Ольгерда; о княжении последнего он писал обзорно, отмечая главным образом военные успехи князя. Записи тут не велись по годам, как в других летописях, и выглядят они слишком краткими и слишком односторонними, чтобы в них можно было ожидать упоминания о трех мучениках при Ольгерде. В зависимости от этих летописей находится и Хроника Быховца (конец XVI в.). Она также не содержит известия о виленских мучениках. Упоминание о них мы

находим лишь на полях так называемой «Кройники Литовской и Жмойтской» (XVII или конец XVI века), представленной довольно поздними списками — Тобольским и Ленинградским, XVIII века: «Того року Олгерд в Вилни помучил трох: Иоанна, Евстафия, Антония за вѣру святую и за Христа и положени суть в Вильню» — так в обоих списках¹². Не исключено, что более ранние литовско-русские летописи, принадлежащие перу литовских патриотов, сознательно избегают всего того, что могло бы лечь тенью на облик восхваляемых ими литовских князей. Эту черту литовско-русских летописей отмечает советский историк Литвы В. Т. Пашуто. Что касается Хроники Быховца, то ее В. Т. Пашуто считает в еще большей степени проникнутой идеями литовского национализма. Отсюда в произведениях такого рода стремление обходить известия, неприемлемые для литовского правительства¹³. Но, как мы увидим из дальнейшего, это вовсе не значит, что христианская Литва не знала о своих мучениях и не чтит их память.

Рассмотрим теперь отношение К. Ходыницкого к самому существу летописного известия о мучениках. Католический полемист не говорит, что факт мученичества за Христа при Ольгерде в первые годы его княжения неправдоподобен сам по себе в историческом плане. Указанный в летописном известии год события (1347) Ходыницкий признает даже «вполне вероятным» (*jeśli chodzi o rok, to należy zaznaczyć, że jest on zupełnie wiarygodny*). Однако маловероятными и подрывающими доверие к этому летописному известию он считает другие приводимые в нем данные, а именно: 1) упоминание о церкви Святителя Николая в Вильне и 2) непонятное имя «Круглец», присвоенное в летописи одному из мучеников (с. 422). Относительно второго замечания можно сказать лишь то, что отнюдь не все непонятное для нас в исторических документах должно служить дискредитации содержащихся в нем данных. Упомянутый выше коллега Ходыницкого по перу Владислав Загорский утверждает, что «Круглец» — это не имя собственное, а наименование придворной должности¹⁴. Что касается церкви Святителя Николая, то самому Ходыницкому известен документ, выданный великим князем литовским Казимиром Ягайловичем Олехне Судимонтовичу, в котором упоминается площадь «у Вильни перед рускою церковью перед святым Миколаю». Если церковь эта существовала при Казимире, внуке Ольгерда, казалось бы, нет повода ставить под большое сомнение возможность ее существования при Ольгерде, как это делает Ходыницкий. Сейчас, когда в Вильнюсе были произведены археологические раскопки на стыке улиц Латако и Горького, археологи и историки изучают вопрос, не здесь ли находилась церковь Святителя Николая, имея в виду документы, подтверждающие существование этой церкви в Вильнюсе уже в 1345 году¹⁵. Историками не исключается возможность существования церкви Святителя Николая в этом городе и в более раннее время, еще до Ольгерда¹⁶.

Этой, якобы не существовавшей при Ольгерде, церкви Святителя Николая Ходыницкий отводит совершенно особое место в рассуждениях относительно возможного источника «легенды» о виленских мучениках. Допуская возможность какой-то связи «между версией о мученичестве трех мучеников и легендой о св. Николае», Ходыницкий ссылается на историка Вильны проф. М. Лимановского, который якобы «указывал на то, что факт погребения мучеников в церкви Святителя

Николая мог доставить сюжет для создания версии о трех мучениках». В Житии Святителя Николая, по мнению Ходыницкого, можно обнаружить отдельные аналогии, отвечающие этому предположению. «Прежде всего, что касается цифры три,— пишет Ходыницкий,— она выступает в известном рассказе о трех девицах, которых св. Николай спас от разврата, и в легенде об освобождении св. Николаем трех юношей, невинно осужденных на смерть... Следует еще заметить,— продолжает Ходыницкий,— что в легенде о св. Николае встречается имя Евстафий, которое носит правитель, осудивший этих юношей на смерть. Возможно, отсюда было заимствовано это имя (в легенду о виленских мучениках.— Д. О.)... Если бы это предположение оказалось правильным,— говорит Ходыницкий,— мы бы имели любопытный пример того, как из версии о погребении (кого? — Д. О.) в церкви св. Николая возникла другая версия — о мученичестве трех мучеников» (с. 426, примеч. 3).

Не станем заниматься анализом этого удивительного предположения уже хотя бы по одному тому, что сам Ходыницкий признаёт, что оно покоится на «хрупких» основаниях.

Перейдем к утверждению Ходыницкого относительно московского происхождения легенды и культа мучеников и относительно определенной тенденциозной направленности всей этой, якобы преследовавшей какне-то политические цели, акции Москвы.

Если сказание о литовских мучениках — измышление, преследовавшее враждебные Литве и Польше цели (как то утверждает Ходыницкий), надо было ожидать в Литве и Польше, по крайней мере со стороны католиков, самого отрицательного к нему отношения и самого решительного разоблачения его несостоятельности. Между тем, в действительности, мы видим нечто прямо противоположное этому. Сказание о мучениках принимается и распространяется здесь, в Литве, с полным доверием к нему со стороны не только православных, но и католиков. Память о мучениках окружается здесь всеобщим христианским почитанием. Сам Ходыницкий с нескрываемым недовольством отмечает в своей статье, что «легенда» о них на Литовской Руси была «*podsysana*» (подогревалась, подкармливалась) католиками и униатами (с. 443). Владислав Загорский, как было сказано выше, видит в униатах Литвы даже создателей «легенды». Именно отсюда, из Литвы, сказание о мучениках, скрепленное подписью и печатью виленского суффрагана Георгия Тышкевича, поступает на Запад к болландистам, которые публикуют в 1675 году их житие, на страницах своего монументального издания «*Acta sanctorum*», во втором, апрельском, томе, со ссылкой в заголовке на неизвестные нам рукописи ливонские (ex MSS livonics et rutenicis)¹⁷. У иезуита А. Кояловича, доктора богословия Виленского университета (XVII век), виленские мученики — *sancti Ioannes, Antonius, Eustachivus, martyres* — отнесены к числу «покровителей великого княжества Литовского от греческого обряда» (*patroni proprii magni ducatus Litvaniae... ex ritu Graeco*)¹⁸. Могло ли бы все это иметь место, если бы дело обстояло так, как это изображает Ходыницкий, т. е. если бы прославление виленских мучеников служило антилитовским и антипольским политическим целям?

Ничего не говорит в пользу Ходыницкого ни содержание, ни самый тон комментируемого им летописного известия. О мученичестве трех

литовцев русские летописи говорят в скупых словах, в коих никак нельзя усмотреть какой-либо, направленной против западных соседей Руси, тенденции.

Отрицая наличие каких бы то ни было известий о мучениках вплоть до конца XV или начала XVI века, Ходыницкий, понятно, не может допустить возможности и какого бы то ни было их почитания раньше этого времени. В частности, он отвергает сообщение Густинской летописи о том, что почитание их происходило уже при московском митрополите Алексии (1354—1378), в чем с Густинской летописью согласны митрополит Сильвестр Косов («Patericon», 1635 г.) и униатский архимандрит Ян Дубович («Hierarchia...», 1644 г.). Ходыницкий не допускает мысли, чтобы митрополит Алексей, преданный Москве и враждебный Ольгерду, мог быть инициатором причисления литовцев к лику святых. По мнению Ходыницкого, этого не могло быть и в период добрых отношений этого «киевского патриарха» (sic!) с Ольгердом, так как канонизация мучеников дискредитировала бы литовского князя. Не упоминают о канонизации мучеников и те «московские источники XVI века, которые первые упомянули об этом мученичестве... Не остается, таким образом, ничего иного, — продолжает Ходыницкий, — как признать, что впервые причислили мучеников к лику святых на соборе в Москве в 1547 году, вместе с 12 другими святыми Русской Церкви. Имеем на это неопровержимые доказательства» (с. 429). Делается ссылка на В. Ключевского и Е. Голубинского.

Надо заметить, что в документах, исходящих от Московского Собора 1547 года, его «указах», вовсе и нет упоминания о трех виленских мучениках. Их имена содержатся в перечне святых, возникшем, как думают, несколько позже, в результате объединения решений Собора 1547 года о русских святых с решениями Собора 1549 года о том же¹⁹.

Если бы первое причисление виленских мучеников к лику святых действительно состоялось в Москве в 1547 году, т. е. только в середине XVI века, то это значило бы, что и почитание их как святых началось лишь с середины XVI века. К этому и клонит Ходыницкий. Между тем, неопровержимые факты говорят иное.

Память виленских мучеников отмечена в ряде наших богослужебных книг, писанных значительно ранее Московских Соборов 1547—1549 гг.

Пред нами несколько прологов из рукописного отдела Литовской Академии наук.

Рукопись XV века № 102, представляющая собой сборник житий русских святых, расположенных в календарном порядке, с приложением служб некоторым из них (в конце сборника). После сентябрьских житий (л. 55 об.) помещено тут (без указания даты памяти) «Мучение святых новоявленных мучеников родом Литвы Иоанна, Антония, Еустафия», то есть их Житие; оно начинается словами: «Сии бяху от места литовьскаго, огню и тии служаще подобно и с другим племенем своим». Датировке рукописи может служить имеющееся на ее страницах (л. 48 об.) пожелание многих лет «государю нашему митрополиту Феодосию владимерьскому и московскому и всея Руси». Известно, что Феодосий был митрополитом с 1461 по 1465 г. Рукопись находилась некогда в библиотеке православной Литовской духовной семинарии в Вильне, еще раньше принадлежала Жировицкому монастырю. А Преподобный Макарий, историк нашей Церкви, думает, что она из числа

тех книг, которые в 1497 г. были присланы в Литву великой княгине Елене ее отцом Иваном Васильевичем²⁰.

Рукопись № 98, начала XVI века, из Супрасльского монастыря, пролог. Под 14 апреля (а не 14 февраля, как ошибочно указано в *Описании* Ф. Добрянского) читаем: «В тѣже день память святых повоявленных мученик Антониа, Иоанна, Еустафия». Житие начинается теми же словами, что и в предыдущей рукописи, но тут оно предваряется синаксарными «стихами»:

«Иже умерших три други Литвы родом
Ныне мысленна умрѣшвяють тристаты».

Рукопись № 95, тоже из Супрасльского монастыря. Пролог, охватывающий месяцы сентябрь — февраль. На последнем, 624 листе обстоятельно и точно указаны все хронологические и другие координаты книги, из конх явствуют ее «новгородское» происхождение (окрестности Новогрудка) и дата написания — 1512 год. Имеется любопытное указание и о дате переплета: «Переплетена бысть сия книга рукою иерея Прѣфрииа, иже в Любчи, ЗК (7020-й, т. е. 1512 год), августа К (20)». Здесь Житие виленских мучеников помещено под 14 января. Начало его то же, что и выше, но «стихов» нет.

М. Н. Сперанским были опубликованы в 1909 году сведения о прологе XV века сербского происхождения, также содержащем Житие виленских мучеников²¹. Хранится эта рукопись в Белградской народной библиотеке под № 356. Там то же начало и почти те же стихи. А датируется в нем память святых, по словам М. Сперанского, 16 декабря.

Имеются и другие убедительные доказательства того, что виленские мученики были известны в Церкви, как святые, задолго до Московских Соборов 1547—1549 годов и задолго до того, как появились списки, содержащие первые известные нам летописные известия о них.

Немалый интерес представляют для нас упоминания литовских святых в надписях, выгравированных на нескольких, хранящихся ныне в музейных собраниях, драгоценных предметах, содержащих частицы их мощей. Сохранились два таких серебряных позолоченных ковчежца и один золотой крест.

Один из ковчежцев с надписью 1414 года был случайно обнаружен до первой мировой войны в церкви села Млѣва в районе Вышнего Волочка²². В настоящее время хранится в Оружейной палате в Кремле под № 13366. Размеры ковчежца 6,5×5,8 см. В нем заключался золотой крест-тельник с нерасшифрованной еще надписью, сделанной греческими буквами, и другие святыни, перечисленные в надписи на обороте ковчежца, в их числе мощи ряда святых и среди них мощи «НОВО-ЯВЛНХЪ ЛТВСКИХ СТРСТОТРПЦЪ» (новоявленных литовских страстотерпцев). По ребру ковчежца надпись: «В ЛѢТО S НОЕ Θ СОТЬ КВ Е СОЗДАНА БЫ СИ РАК ЖВОТВОРАЩМУ КРСТУ ПРИ БЛАГОВРНО КНЯЗИ ВЕЛКОМУ ДАНИЛѢ БОРИВЧ НОВОГОРОДКО И СУЗДАЛСКМУ И ГОРОДЕСКОМУ РАБОМЪ БИИМЪ КНЯЗМЪ ИВАНОМ ДАНИЛОВЧА». (В лето 6932-е создана бысть сия рака Животворящему Кресту при благоверном князе великом Данииле Борисовиче новгородском и суздальском и городецком рабом Божиим князем Иваном Даниловичем). 6932 год — это 1414 год по нынешнему счету.

Соотношение размеров ковчежца с размерами креста и его внутрен-

нее устройство говорят о том, что сам изготовитель ковчежца предназначал его не только для золотого креста, но и для мощей (для них ниже креста было устроено особое небольшое круглое вместилище). А это в свою очередь говорит о том, что мощи вместе с золотым крестом находились в ковчежце с самого начала, т. е. с 1414 года. Перечень всех мощей на ковчежце, включая мощи «новоявленных литовских страстотерпцев», сделан одной и той же рукой. Все это свидетельствует о том, что уже в начале XV века, т. е. спустя шесть десятков лет после кончины виленских страстотерпцев, мощи их почитались у нас как святыня.

«Новгородский», т. е. нижегородский и суздальский, великий князь Даниил Борисович, имя которого упоминается в приведенной выше надписи, был сыном великого князя Бориса Константиновича, женатого на дочери Ольгерда — Марии. Таким образом, Даниил Борисович по матери был внуком литовского великого князя. Надо думать, не случайно в его родовой святыне оказались мощи виленских святых.

Упомянутый в надписи создатель ковчежца «раб Божий князь Иван Данилович» — лицо неизвестное. Думают, что он был сыном вышеупомянутого великого князя Даниила Борисовича.

К числу фамильных святынь тех же суздальских князей, имевших родственную связь с Литвой, относится Т. В. Николаева и другой ковчежец, имеющий изображение Распятия на лицевой стороне и недатированную надпись на оборотной. И в этой надписи перечисляются мощи различных святых «ДА НОВЫХ МУЧЕНИКЪ ЛИТОВЬСКИХЪ», содержащиеся в ковчежце. Ковчежец хранится в Загорском музее (инвентарный № 1493). Надписи на ковчежце, в том числе и надпись о мощах, исполнены почерком XV века²³.

Надпись подобного содержания имеется и на золотом, так называемом «филофеевском» кресте, обнаруженном в сравнительно недавнее время среди сокровищ Троице-Сергиевой Лавры. И в этой надписи среди прочих святынь значатся мощи «НОВЫХЪ МУНКЪ (мученик, т. е. мучеников) ЛИТОВЬСКЪХЪ». Надпись не датирована. Крест этот размером 4,0×2,5 см, не фигурировавший нигде в лаврских описях, был неожиданно обнаружен внутри другого, значительного по размерам «воздвизального» креста, который и в монастырской описи, и в надписи на самом кресте обозначался как благословение патриарха Филофея преподобному Сергию. О посольстве Константинопольского патриарха Филофея, привезшем преподобному Сергию среди других даров также и крест, сообщают некоторые рукописи XVI века, в частности Житие Преподобного. В рукописи Жития имеется даже миниатюра, изображающая сцену вручения преподобному Сергию на блюде креста от патриарха. Но вышеупомянутый воздвизальный крест, являющийся произведением XVII века, явно не мог быть даром патриарха Филофея (1354—1376). После того, как внутри воздвизального креста был обнаружен вышеупомянутый маленький золотой крест с мощами, возник вопрос, не является ли этот золотой крест тем даром патриарха Филофея преподобному Сергию, о котором упоминают рукописи и надписи на воздвизальном кресте. В этом смысле высказывались о. Павел Флоренский, О. А. Белоброва и некоторые другие исследователи²⁴. За обнаруженным крестом с мощами утвердилось наименование «филофеевского». Даром патриарха Филофея, который, как мы увидим из

дальнейшего, своими руками принимал привезенные из Литвы в Константинополь части мощей виленских мучеников, казалось бы, вполне мог быть крест, содержащий частицы этих мощей. Но новейшие исследователи креста, в частности Т. В. Николаева, не разделяют вышеуказанное предположение о его византийском происхождении и относят крест и надпись на нем не ко второй половине XIV века (когда жил патриарх Филофей), а к началу XV-го. Но так или иначе надпись на кресте, так же как и надписи на вышеупомянутых ковчезцах, является неоспоримым свидетельством раннего почитания виленских мучеников на Руси.

Учитывая значительное совпадение перечня святых на этом кресте с тем перечнем, который дан в надписи на упомянутом выше недатированном ковчезце, Т. В. Николаева считает, что «филофеевский» крест находился когда-то в этом ковчезце и тоже был фамильной реликвией суздальских князей²⁵.

Археолог Т. В. Николаева, специализировавшаяся на изучении эпиграфического материала, связанного с вышеуказанными предметами, делает следующее заключение: «Литовские мученики: Иоанн, Евстафий и Антоний погибли в Вильне в 1347 году от руки литовского князя Ольгерда, который вскоре после расправы над ними сам принял христианство. Местное их почитание и даже официальная канонизация греческой церковью были установлены уже в середине XIV в.»²⁶.

Особо примечательным свидетельством раннего почитания виленских мучеников на Руси и в Византии является их изображение на так называемом «большом» саккосе Московского митрополита Фотия (1410—1431). В настоящее время саккос хранится в Кремле, в Государственной Оружейной палате. Экспонат этот обозначен на указателе-табличке как работа византийских мастериц. Богатейший саккос расшит «волоченым» золотом и серебром по лазоревому атласу, покрыт изображениями святых и праздников. Греческий текст Символа веры, вышитый золотом, образует на саккосе большую прямоугольную рамку, внутри которой расположены следующие изображения: сверху — Распятие, под этим — «Эпитафис» (Христос во гробе), еще ниже — Воскресение (Сшествие во ад). Непосредственно под этим — шитое шелком поясное изображение трех святых с мученическими крестами в руках. Размеры изображения — около 12 см в ширину, на 10 в высоту. Греческие буквы, обозначающие имена святых, частично прикрыты жемчужинами, обрамляющими нимбы и фигуры святых. Надписи расположены столбиками. Ничем не закрытые буквы читаются так: слева от первого святого — О Α ΙΩ..., слева от среднего — ...ΕΤΑΘΙ..., слева от третьего — Ο Α ΑΝΤΩΝΙ..., справа от него — ΟΙ ΡΟΣΟΙ. Буквы под жемчужинами легко восстановить, и надписи в целом прочесть нетрудно: Ο αγιος Ἰωαννης, ο αγιος Ευσταθιος, ο αγιος Ἀντωνιος — οι ρωσοι, т. е. «Святой Иоанн, святой Евстафий, святой Антоний — русские». Почему русские? Для греков все христиане, принадлежавшие к митрополии Киевской и всея Руси, представлялись русскими. Слева от изображения трех виленских мучеников на саккосе вышито изображение византийского императора Иоанна Палеолога и его супруги Анны. Справа — изображение великого князя московского Василия Димитриевича и его супруги Софии (литовки, дочери Витовта). Все эти изображения вместе с находящимся посредине изображением трех мучеников опираются на

нижнюю часть упомянутой прямоугольной рамки, образуемой текстом Символа веры.

Изготовлен был саккос, очевидно, в первом тридцатилетии XV века. Относительно более точной датировки мнения расходятся. Фотий (его изображение тоже имеется на саккосе) был митрополитом в Москве с 1410 по 1431 год. Иоанн VIII Палеолог был самодержцем в Византии с 1425 по 1448 год, но до этого, еще до 1408 года, будучи соправителем отца, он был провозглашен соимператором и пользовался императорским титулом²⁷. В 1414 году он женился на дочери московского великого князя Василия — Анне, изображение которой мы видим на саккосе. Анна умерла в 1417 году. Поэтому наиболее вероятным временем изготовления саккоса считаются сейчас годы 1414—1417. К такому выводу приходил в прошлом столетии и Г. Филимонов²⁸.

Как видим, К. Ходыницкий допускает большую ошибку, когда начало чествования виленских мучеников в Православной Церкви относит ко времени Московских Соборов середины XVI века. Но ошибка его не только в этом. «Это культ,— пишет Ходыницкий,— возникший в Москве, а не в великом княжестве литовском. Какое-то время даже о перенесении его (культа мучеников.— Д. О.) в Литву, ввиду враждебных отношений между двумя государствами, не могло быть речи; произошло это значительно позже» (с. 429). Значительно позже середины XVI века? Когда же именно? Неужели после Люблинской и Брестской уний? Неужели при Стефане Батории или Сигизмунде Вазе в Речи Посполитой могли возникнуть условия, благоприятствовавшие перенесению на ее территорию из Москвы культа православных мучеников?

Но вернемся к вопросу о месте возникновения этого культа. Ответа поищем в самой службе виленским мученикам. Нынешняя служба своей основой восходит к древней, более краткой службе в честь их, сохранившейся в рукописях. Перед нами богослужбная Миняя XVI века из Слуцкого монастыря, хранящаяся в библиотеке Литовской Академии наук под № 147. В ней содержится «Послѣдование в новоявленныя святыя мученикы, иже во стране Литовьской мученых, Антоніа, Иоанна и Евстафіа». Служба помещена перед 19 декабря (листы 224—228 об.) и предварена таким замечанием: «Буди же въдомо, яко уставлено бысть на соборе праздновати сих святых в неделя прежде неделя святых праотець». О древнем происхождении службы говорит уже ее скромный состав: 3 стихиры на «Господи, воззвах», канон, седален по 3-й песни, кондак, икос и синаксарий по 6-й, светилен по 9-й, стихиры на хвалитех и ничего более — ни паримий, ни стихир на стиховне, ни полиелея. Тропарь «Мученицы Твои, Господи» (общий мученикам)²⁹.

Обращает на себя внимание указанное в этой рукописи (и, кажется, только в ней) «краегрансисе» канона: «Троица чѣтется новоявленных мученикъ; в богородичнах же — Димитрия». Это указание сразу наводит на мысль о греческом происхождении службы. В оригинале краегрансисе должно было читаться так: ΤΡΙΑΣ ΤΙΜΑΤΑΙ ΝΕΟΦΑΝΩΝ ΜΑΡΤΥΡΩΝ. Богородичны же в акростихе должны были давать слово ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ. Восстановив греческое звучание первых слов каждого тропаря канона, мы видим, что начало канона (1-я — 4-я песни) в греческом оригинале вполне соответствовало этому краегрансисю (акростиху). Вот как это выглядит.

Начальные слова тропарей

в славянском тексте: в предполагаемом греческом оригинале:

1-я песнь

Добротою...	Τῷ καλλι...
Глагол...	Ῥημάτων...
Крѣпостию...	Ἰσχυι...

3-я песнь

Любовь...	Ἀγαπην...
Тѣлесем...	Σωμάτων...
Прелесть...	Τὴν πλάνην...

4-я песнь

Крѣпчайшим...	Ἰσχυροτάτῳ...
С горними...	Μετὰ τῶν ἀνω...
Нескверно дарование...	Ἄμωμον δωρον...
Твоей смерти...	Τῷ σῷ θανάτῳ...

В восстановленном таким образом греческом тексте в тропарях каждой песни ударения расположатся в соответствии с музыкальным строем соответствующего ирмоса, как это обычно в греческих канонах. Например:

Ирмос 1-й песни:

Моря черную пучину... Θαλασσης το ερυθραιον πελαγος...

1-й тропарь:

Добротою мучения славнии... Τῷ καλλι της μαρτυριας ενδοξι...

Однако, начиная с тропарей 5-й песни, вышеуказанное краеграние в результате, по-видимому, каких-то позднейших изменений (в рукописях имеются расхождения в составе тропарей) аналогичным образом не восстанавливается, а последние тропари канона дают в акростихе, по крайней мере, в вышеупомянутой рукописи XVI века, вместо ΜΑΡΤΥΡΩΝ слово ΑΓΙΩΝ (святых):

8-я песнь

Непоколебима...	Ἀσαλευτα...
Земля убо нынѣ...	Γῆ μεν νυν...

9-я песнь

Се великий подвиг...	Ἴδου ο μεγας ἀγων...
Яко добрии...	Ὡς καλοι...
Ныне окресть...	Νυν περι...

Что касается имени греческого творца этого канона (Димитрий), то оно в акростихе Богородичных канона выдержано от начала до конца. Любопытно, что в 9-й песни канона ради этого (не хватало тропаря для одной буквы) им даны два Богородична.

Богородичны

1-й песни: Силы...

3-й песни: Дне...

Δυναμεις...

Ἡμερας...

4-й песни:	Величия...	Μεγαλοσυνας...
5-й песни:	Твоя, Богоневѣсто, слава...	Η δοξα σου θεουμνη...
6-й песни:	Добротою...	Τω καλλει...
7-й песни:	Нос и уши...	Ρινα και ωτα...
8-й песни:	Крѣпка...	Ισχυρος...
9-й песни:	Весь...	Ολη...
	Воды...	Υδατος...

В той же богослужебной рукописи XVI века после 6-й песни канона дается посвященный мученикам синаксарий со следующими стихами:

«Задавлением умерше трие друзи Литвы родом,
въкупе умныя умершвъять тристаты».

Подобные стихи, писанные силлабическим шестистопным ямбом, обычны для греческих синаксариев. В упоминавшемся выше белградском прологе XV века они звучат точно так же. Попробуем восстановить их греческое звучание обратным дословным переводом:

Οι αρχονη θανοντες τρεις φιλοι Λιτβας γενει
ομου νοητικους νεκρουσι τριστατας.

В первой строке, вместо шестистопного ямба, получается семистопный. Для восстановления традиционного размера синаксарных стихов надо, по-видимому, из первой строки исключить слово *φιλοι*, несмотря на то, что в стихах, предворяющих все известные нам стихные прологи, посвященные виленским мученикам, слово «друзи» имеется.

Греческое происхождение службы мученикам и богослужебного пролога в свете изложенного не может подвергаться сомнению.

О греческом, и во всяком случае о не-московском, происхождении пролога говорит еще и то, что Литва, как увидим из дальнейшего, представлена в нем страной невыносимых холодов. Такой Литва могла представляться лишь южанину, никак не москвичу.

Греческий оригинал пролога, так же как и греческий оригинал службы мученикам, пока не обнаружен. Мы располагаем лишь славянским переводом. Но в нашем распоряжении греческий текст другого, не менее важного, древнего документа, имеющего прямое отношение к мученикам. Это — похвальное слово в их честь пресвитера Михаила Вальсамона, сохранившееся в рукописи XV века Ватопедского монастыря на Афоне. Прежний номер рукописи 464, нынешний — 541. Текст слова опубликован был в упомянутом выше труде М. Н. Сперанского и в двух греческих сборниках церковноисторических документов³⁰. Слово озаглавлено: «Ритора святейшей Божией Великой Церкви Михаила Вальсамона на славных новоявленных мучеников Антония, Иоанна и Евстафия, русских».

Пресвитер Михаил Вальсамон известен по актам Константинопольского патриархата как высокое должностное лицо при патриархах последнего двадцатилетия XIV — первого десятилетия XV века. Звание ритора Великой Церкви он носил, как думают византологи, основываясь на документации патриархата, с 1390 по 1394 год³¹. К этому времени, по-видимому, надо отнести и похвальное слово.

Оно, надо полагать, было произнесено в храме Святой Софии в день, когда в Константинополе совершалась их память. Но был ли тогда,

кроме очередного ежегодного их чествования, еще какой-либо особый повод для произнесения данного слова, мы не знаем.

В своем слове о мучениках Вальсамон ссылается на некое повествование о них (ο λογος), в котором они называются литовцами (Λιτβοι) и огнепоклонниками. Очень возможно, что Вальсамон имеет тут в виду вышеупомянутый синаксарий-пролог, поскольку как раз там речь о них как о литовцах, до обращения в христианство служивших огню подобно другим своим единоплеменникам. Написанный первоначально на греческом языке, так же как и вся служба мученикам, пролог вполне мог быть доступен Вальсамону. Если так, то пролог надо считать произведением более ранним, чем похвальное слово. Все три произведения: пролог, служба мученикам в ее первоначальном виде и похвальное слово пресвитера Михаила Вальсамона — заслуживают особого внимания, как принадлежащие перу людей, современных началу чествования литовских мучеников в Константинополе и очень близких по времени жизни ко времени мученического подвига этих святых. В основе этих произведений лежали, конечно, сведения, поступившие в Константинополь из Литвы перед тем, как Константинопольская Церковь приняла решение о прославлении мучеников.

Никаких существенных расхождений между тремя названными произведениями нет. Слово пресвитера Михаила Вальсамона украшено риторическими построениями автора в духе своего времени и восполнено отсутствующими в прологе, но предполагающимися обстановкой диалогами мучеников с языческим князем. Что же касается фактического материала, то в изложении его между этими документами существует полное согласие.

И пролог, и похвальное слово Вальсамона представляют мучеников жителями далекой холодной страны. Царящие там холода, о которых греческие авторы знают понаслышке, особенно поражают их воображение. Говоря о попытке холодной водой, которой подвергался святой Евтафий, автор пролога замечает: «И се от великихъ мукъ есть, яко више мѣри бити студену мѣсту оному, якоже тамо ходившеи повѣдуютъ». Слова эти читаем в вышеупомянутой белградской рукописи XV века № 356 и в виленской № 147 (XVI в.). Большинство русских переписчиков пролога опускают эти слова, как не имеющие для них того значения, какое придавал им автор-грек. О страшных холодах, царящих на родине мучеников, говорит в своем слове и Вальсамон: «Это страна холодная и морозная, с климатом настолько суровым, что озера там, замеденев, превращаются в равнины».

«Сы(и) бѣху от страны литовские, огневи и ты(и) служаще подобни инѣмъ езычнымъ их», — так начинается пролог в белградской рукописи № 356. Слова эти с незначительными вариантами имеются во всех известных нам рукописных прологах. В виленской рукописи № 147: «Подбнѣ инымъ единоплеменнымъ своимъ». В рукописи Синодальной библиотеки № 993: «Сии бѣша от града литовского Вилны, огню и ти служаще подобно и другимъ съплеменнымъ своимъ». Рукопись Литовской Академии наук № 102 (XV в.): «Сии бяху от мѣста литовскаго, огню и ти служаще подобно и с другимъ племенемъ своимъ». Дословно так же в рукописи № 76 из того же собрания. В «Acta sanctorum» болландистов: «Hi fuerunt natione Lithuani, similiter ut alii nationis eiusdem homines, igni servientes».

Переходя к фактическому материалу, содержащемуся в прологе и похвальном слове, мы будем излагать его параллельно, поскольку никаких существенных расхождений между одним и другим документом нет.

Как уже было сказано, греческий автор представляет мучеников жителями далекой холодной страны. Называет их «россами» (русскими), но тут же оговаривается, что они не из тех русских, «которые соседствуют с нами, а из тех, что обитают дальше к северу, коих повествование называет литовцами, а также огнепоклонниками». Иоанн был старшим братом Антония. Оба обратились к вере через общение с христианами и были крещены пресвитером Нестором. Сначала они скрывали свое христианство, но потом, исполнившись мужества, приняли обычный для тогдашних христиан облик, перестав стричь волосы и бороду. Князь, видя это, пытается отвести их от христианства и, чтобы убедиться в их готовности к послушанию, в постный день предлагает им вкусить мяса. В ответ братья говорят о своих обязанностях по отношению к Богу, которые важнее послушания князю. Заключенные после этого в темницу братья мужественно переносят все лишения и страдания. Старший брат Иоанн, однако, не выдерживает длительного пребывания в тюрьме и дает согласие выполнять требования относительно соблюдения языческих обычаев, хотя в душе от христианства не отрекается. Вместе с ним освобожден был тогда из тюрьмы и Антоний, так как предполагалось, что и он в конце концов пойдет по стопам старшего брата. Когда же эти расчеты не оправдались, Антония опять заключают в темницу. Он скорбит о проявившем малодушие старшем брате и отказывается от общения с ним. Прежние отношения между братьями восстанавливаются благодаря посредничеству упомянутого пресвитера Нестора, беседы которого вновь пробуждают в Иоанне мужество и готовность к исповедничеству. Новым свидетельством своей веры Иоанн вызывает гнев княжеского окружения и подвергается жестокому избиению. Полуживого, его бросают в темницу к Антонию, где Господь чудесно восстанавливает его силы. В ожидании скорого конца братья получают в темнице Причащение от руки того же пресвитера Нестора. Чувствуя приближение мученической кончины, Антоний прощается с братом и предсказывает ему такую же кончину в ближайшее время. После безуспешных увещаний князя и перенесения тяжких побоев Антоний осуждается на смерть через повешение. По прологу, он принял эту смерть 14 января, а 24 апреля такой же смертью закончил свой подвиг его старший брат Иоанн³².

Еще более тяжкие испытания выпали на долю третьего, самого юного литовского мученика — святого Евстафия, которому посвящены заключительные страницы пролога и похвального слова. Как и первые два мученика, он был близок к князю; по словам Вальсамона, принадлежал к княжеской «дорифорин» (свите). С ним повторилось многое из того, что повествуется о первых двух мучениках: обращение в христианство, мужественное исповедание своей веры, тщетные попытки князя ласкательством и угрозами вернуть его в язычество, отказ от мяса в постный день (по прологу, это было в пятницу перед праздником Рождества Христова; по похвальному слову Михаила Вальсамона, — за 20 дней до 1 января). Последовали истязания, еще более страшные, чем те, коим подвергались два брата: святому Евстафию насильно

вливалась в рот вода, были перебиты ноги от стоп до колен («от глезне и даже до колѣну» — *μὲχρι γονατῶν ἀλλο σφύρον*), отрезаны уши и нос, содрана кожа с головы, после чего он был повешен (по прологу, на дубе). По свидетельству рукописей, это произошло 13 декабря.

Поскольку началом года в то время считалось 1 сентября, а летописи датируют 6855-м годом лишь кончину святого Евстафия, кончину двух первых мучеников следовало бы датировать 6854-м, т. е. 1346-м, годом.

Ни в слове, ни в прологе нет речи о том, чтобы Ольгердом воздвигалось общее гонение на христиан в Литве. Казнь трех его придворных следует поэтому рассматривать как факт обособленный, вызванный особыми обстоятельствами. Незадолго до этого Ольгерд вступил на великокняжеский престол после низложения и удаления из Литвы своего предшественника на великом княжении — Евнутия (Явнута), старшего своего брата, приверженца Православия. Литовские язычники были тогда естественной опорой Ольгерда, и в данном случае он считал необходимым пойти навстречу их требованиям, хотя сам в душе и не был враждебен христианам. В повествовании о мучениках обращает на себя внимание одна деталь. Старший брат Иоанн, вновь вступивший на путь исповедничества, находясь с князем, дерзновенно заявляет себя христианином. «И князь, сам сый тогда,— говорится в прологе,— не показа к нему гнѣва, потом же лаки пред многими христианина себе исповѣда и абие бѣен бысть от обрѣтшихся ту руками и палицами и, влачим, в темницу отводится» (вильнюсская рукопись № 95). Здесь ясно видна разница в отношении к исповеднику христианства со стороны князя и со стороны его языческого окружения.

В заключительной части слова и пролога говорится о благоговеином отношении к телам мучеников со стороны местных христиан. «Любящими руками», как сказано в слове пресвитера Михаила Вальсамона, святой Евстафий был погребен рядом с двумя первыми мучениками, «дабы и на земле не были разъединены те, кои стали (в небе) участниками одного и того же мученического лика».

В белградской рукописи пролога говорится, что погребение это было совершено ночью при участии новопросвещенных сыновей «мучителя»³³. Их матери, первой жены Ольгерда, Марии Ярославны витебской, с которой он сочетался браком еще в 1318 году, т. е. за 27 лет до своего вступления на великокняжеский престол, очевидно, уже не было в живых. А подготовка к новому браку тогда еще не начиналась. (По летописным данным, Ольгерд попросил руки Иулиании Александровны тверской в 1350 году.)

По свидетельству различных списков пролога, на месте мученической кончины трех мучеников был построен храм в честь Святой Троицы после того, как местные христиане обратились с соответствующей просьбой к князю и получили от него для этой цели «оное место вселичное». О построении храма упоминает в своем похвальном слове и Вальсамон, хотя не столь определенно.

Для нас особый интерес представляет то, что сообщает Вальсамон об инициативе патриарха Филофея (первое патриаршество которого было в 1354—1355 годах, второе — с 1364 по 1376 год) в деле причисления виленских мучеников к лику святых, а также о последовавшем вскоре за этим перенесении частей их мощей в Константинополь. Упо-

мянув о том, что прибегающие к помощи мучеников получают в их храме исцеления душ и телес, Вальсамон продолжает: «Сего не лишен и наш (город), который вместе с некими частями их мученических останков получает и воздаяние за них, как бы за собственное приношение. Они (эти части мощей) были принесены сюда священными руками вместо всякого рода оружия и защиты и приняты были (здесь) еще более священным... говорю о руках славного Филофея, известного своей добродетелью не меньше, чем кафедрой, который подобно кому-то возвещающему с небес великий совет Господень, первый прославил их как мучеников и воздал им честь иконами, поклонениями и ежегодными службами». Последние слова уточняют, кому принадлежала инициатива составления службы мученикам и, в частности, чье поручение выполнял некий Димитрий, оставивший свое имя в акростихе составленного им канона.

«Как пришельцы (издалека), они нам особо дороги и желанны», — говорит в заключительной части своего слова по поводу перенесения мученических мощей в Константинополь тамошний проповедник.

О принесении части мощей виленских мучеников «в святейшую Божию церковь» говорят и все известные нам славянские рукописные прологи. Древнейшие тексты пролога (белградская рукопись № 356, рукописная Минейя Литовской Академии наук в Вильнюсе № 147, а также венская рукопись № 53) указывают точно и год, когда это произошло: «Принесени же быша и чести нъкые святыхъ мощи (й) их въ святѣйшую и великую церковь въ шестотысущенное и осмосътное и осмьдесятое и второе лѣто от сздания миру патриарьшествующу святѣйшому нашему владыцѣ вселенску патриарху Филофею в славу всьхъ Цару и Богу нашему»³⁴. 6882-й год — это 1374-й год по нашему счету.

Итак, спустя 27 лет после кончины литовских мучеников константинопольская Святая София торжественно принимала под свои величественные своды «части некия» от их святых мощей. Все убедительно говорит о том, что именно здесь, в Константинополе, состоялось причисление их к лику святых и что произошло это не позже 1374 года, при патриархе Филофее.

Можно, таким образом, не сомневаться в том, что церковное прославление виленских мучеников имело место между 1354 и 1374 годами. Но едва ли мы располагаем надежными данными для того, чтобы в указанном промежутке точно фиксировать дату этого события.

Ссылка некоторых историков нашей Церкви на униатского писателя XVII века Яна Дубовича, который в своем труде («Hierarchia...») якобы датирует причисление литовских мучеников к лику святых 1364-м годом, не оправдывается содержанием этого труда. В нем 1364-м годом помечено (ошибочно) лишь начало святительского служения митрополита Алексия. А о причислении мучеников к лику святых Дубович говорит лишь то, что оно было совершено патриархом Филофеем вместе (pospołu) с митрополитом Алексием³⁵.

Современный издатель и комментатор актов Константинопольского патриархата И. Даррузес, относя канонизацию виленских мучеников к 1354—1355 годам, основывается не столько на византийской документации, сколько на некоторых русских летописных данных, на наш взгляд, недостаточно четких³⁶.

По мнению научной сотрудницы Загорского историко-художественного музея О. А. Белобровой, канонизация виленских мучеников (О. А. Белоброва предположительно относит ее тоже к 1354 году) была связана с желанием патриарха Филофея поднять заслуги Литовской Церкви в глазах русского духовенства³⁷. Известно, что русские были обеспокоены поставлением тогда в Литву особого митрополита (Романа, а несколько позже — Киприана).

Незадолго до перенесения части мощей виленских мучеников в Константинополь Литву посетил по поручению патриарха Филофея болгарский монах Киприан, будущий митрополит Киевский (фактически Литовский, потом Московский и всея Руси)³⁸. Ему могла принадлежать немалая роль в распространении известия о новоявленных мучениках в тех православных странах, где ему довелось жить и нести церковное служение.

Богослужбная память всех трех мучеников всегда совершалась в один день, но самый день этот устанавливался по-разному: то с учетом даты мученической кончины святого Евстафия (декабрьская дата), то в соответствии с датой смерти святого Антония (14 января), то применительно к дате смерти святого Иоанна (апрельская дата). Древнейшей, надо думать, была первая практика. Она отражена в рукописях, носящих печать наибольшей древности, — белградской № 356, венской № 53, вильнюсской № 147. По свидетельству известных нам рукописей, святой Евстафий скончался 13 декабря. Чем руководствовался Константинопольский Собор, постановивший отмечать память виленских мучеников не 13 декабря, а в воскресенье, предшествующее Неделе протцев (т. е. между 4—10 декабря)? Всроятно, желанием избежать совпадения памяти мучеников с этой Неделей. Но это решение Собора вело к совпадению памяти наших мучеников с праздниками святого Саввы Освященного, Святителя Николая Мирликийского и Зачатия Богородицы праведной Анной во всех тех случаях, когда эти праздники приходились в воскресенье. В поисках новых решений появились в практике церковной две новые месяцесловные даты: 14 января и 14 апреля. Под 14 января помещена память трех мучеников в упомянутом выше вильнюсском прологе № 95. 14 января — это день смерти святого Антония. Но и эта дата не утвердилась в практике церковной. Наиболее устойчивой оказалась дата 14 апреля. По некоторым, не имеющим, правда, широкого подтверждения, данным — это день смерти святого Иоанна. И хотя подавляющее большинство источников датирует кончину святого Иоанна 24-м апреля, 14 апреля стало на долгое время общепризнанной и единственной месяцесловной датой памяти трех мучеников. Едва ли, однако, и эту дату можно считать наиболее удобной с литургической точки зрения, поскольку она часто приходится на дни Страстной и Пасхальной седмиц³⁹.

В настоящее время в Вильнюсе торжественно отмечается и как бы выдвигается на главный план дата возвращения мощей мучеников из Москвы в Вильнюс в 1946 году — 26 июля нового стиля.

Подведем итоги.

Важнейшее значение для истории виленских мучеников и для установления времени их причисления к лику святых имеют три документа византийского происхождения:

1) богослужбный пролог-синнаксарий на день их памяти,

2) первоначальный текст службы мученикам (оба этих текста дошли до нас в славянском переводе),

3) похвальное слово в честь мучеников Михаила Вальсамона, риторы храма Святой Софии в Константинополе (сохранилось на греческом языке).

Все три документа принадлежат перу людей, очень близких к мученикам по времени их жизни и современных их прославлению в Константинополе.

Документы эти вместе с другими историческими памятниками неопровержимо свидетельствуют о том, что виленские мученики были причислены к лику святых не в XVI веке, как утверждает К. Ходыницкий, а во второй половине XIV века при патриархе Филофее, т. е. вскоре после своей мученической кончины, последовавшей в 1346—1347 годах. С абсолютной уверенностью можно сказать, что прославление их произошло не позже 1374 года, когда части их мощей были принесены в Константинополь. Тогда же почитание их как новоявленных святых нашей Церкви стало распространяться в православном мире: в Византии, на Руси, в Балканских странах и, конечно, на их родине — в Литве.

Отпадает, как совершенно несостоятельное и идущее вразрез с многочисленными данными, утверждение Ходыницкого об отсутствии каких бы то ни было исторических свидетельств о виленских мучениках вплоть до конца XV — начала XVI века. Таких неоспоримых свидетельств о них, восходящих к концу XIV и началу XV века, более чем достаточно.

Совершенно несостоятельна концепция Ходыницкого, согласно которой «легенда» о виленских мучениках и их культ были порождены антилитовской и антипольской политикой Москвы. Причисление литовских мучеников к лику святых произошло в Константинополе по инициативе патриарха Филофея, относившегося, как известно, с пониманием к желанию литовского правительства иметь в Литве особого митрополита, независимого от Москвы. Начало церковно-богослужебному чествованию мучеников было положено в Константинополе. Древнейший текст их Жития (пролога) был изложен по-гречески и уже потом переведен на славянский язык. Первоначальный текст службы мученикам также был греческий. Самые ранние, известные нам, исторические свидетельства о них зафиксированы вовсе не в московских источниках. При таком положении дел приписывать Москве измышление неизвестного истории факта и объяснять это враждебной Литве политикой Москвы, как это делает Ходыницкий, решительно невозможно. Культ литовских мучеников не мог быть продиктован и какими-либо антипольскими политическими соображениями. Тогда, когда он возникал (между 1354 и 1374 годами). Польша еще не была объединена с Литвой никаким политическим союзом, и события, происходившие тогда в Литве или касавшиеся Литвы, никакого отношения к Польше не имели.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ W. Zahorski. Legenda o trzech męczennikach wileńskich. Указ. журнал, № 2, с. 68—72.

² K. Chodynicki. Geneza i rozwój legendy o 3 męczennikach wileńskich. «Ateneum Wileńskie», 1927, IV, 13, с. 416—451. Последующие ссылки на страницы в тексте относятся к этому изданию.

³ Полное собрание русских летописей (в дальнейшем — ПСРЛ), т. 23. СПб., 1910, с. 109.

⁴ История Государства Российского, т. V. СПб., 1819, с. 52.

⁵ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 213—214.

⁶ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 152 и след.

⁷ ПСРЛ, т. 5, изд. 1851 г., с. 226.

⁸ М. Д. Приселков. Цит. соч., с. 14.

⁹ А. А. Шахматов. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. «Известия русского языка и словесности», т. IX, кн. I. СПб., 1904, с. 414. Его же. Обзорение русских летописных сводов XIV—XV вв. М.—Л., 1938, с. 212 и след.

¹⁰ В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства. М., 1959, с. 9.

¹¹ М. А. Ючас. Русские летописи XIV—XV вв. как источники по истории Литвы. «Труды АН ЛССР», серия А, 2(5), 1958, с. 81.

¹² ПСРЛ, т. 32, с. 44.

¹³ В. Т. Пашуто. Цит. соч., с. 67—68.

¹⁴ W. Zahorski. Цит. ст., с. 69—70.

¹⁵ О. Иванова. Тайны старого города. «Советская Литва», 1981, № 240.

¹⁶ S. Zajaczkowski. Dziejce Litwy pogańskiej do 1386 r. Lwów, 1930, str. 42. M. Limanowski. Najstarsze Wilno, в сборнике «Wilno i Ziemia Wileńska», t. 1, Wilno, 1930, str. 142.

На плане г. Вильны 1672 года (Собрание древних грамот и актов городов Вильны, Ковна, Трок..., ч. 1, Вильно, 1843, вкладыш между листами LXVI и LXVII) обозначены две церкви, посвященные Святителю Николаю — церковь перенесения его мощей на том месте, где и теперь находится церковь, посвященная этому же воспоминанию, и собственно Никольская — там, где недавно велись раскопки (левее от Пятницкой).

В суждениях о возможности существования православных храмов в Литве еще до Ольгерда нельзя упускать из виду тот факт, что православными были уже некоторые прещественники Ольгерда по литовскому великокняжескому престолу — Войшелк Миндовгович (1264—1267 гг.), Шварн Данилович (1267—1270 гг.), Евнутий Гедимнович (1341—1345 гг.), равно как родные братья Тройдена, занимавшего этот престол после смерти Шварна (сам Тройден остался язычником).

¹⁷ Acta sanctorum. Aprilis tomus secundus. Париж—Рим, 1866, с. 265.

¹⁸ A. Koialowicz. Miscellanea rerum ad statum ecclesiasticum in magno Litvaniae Ducatu pertinentium. (Вильна), 1650, р. 8.

Ответ на вопрос, как могли римо-католики так долго поддерживать почитание православных мучеников, можем найти у того же А. Кояловича и других писателей прошлого времени. Православная Литва входила в состав Киевской митрополии. Тот факт, что митрополия эта приняла в свой богослужебный обиход установленное папой Урбаном II празднование 9 мая в память «перенесения мощей» Святителя Николая, был истолкован этими писателями как доказательство того, что Киевская митрополия (потом Московская), обособившись в этом акте от прочих Православных Церквей, возшла в подчинение папе (цит. соч., с. 41). Поэтому Коялович, шитчоже сумняся, называет Московского митрополита Алексия, при котором состоялось причисление виленских мучеников к лику святых, «униатом» (цит. соч., с. 9). Естественно, что и мученики представлялись ему и другим католикам униатами. Прошло немало времени, прежде чем католики, разобравшись в фактическом положении дела, заняли в вопросе почитания виленских мучеников отрицательную позицию.

¹⁹ Е. Голубинский. История канонизации святых в Русской Церкви. Изд. 2-е. М., 1903, с. 103.

²⁰ Архисп. Макарий. История Русской Церкви. Т. IX, с. 139.

²¹ М. Н. Сперанский. Сербское житие литовских мучеников. М., 1909.

²² Ковчежец описан в книге: М. П. Степанов. Храм-усыпальница вел. кн. Сергия Александровича. М., 1909, а также в книгах Т. В. Николаевой: Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. М., 1971; «Свод археологических источников», вып. Е 1—49, и других ее трудах.

²³ Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики в собрании Загорского музея. Загорск, 1960, с. 266. По мнению Т. В. Николаевой, ковчежец этот поступил в Троице-Сергиев монастырь в начале XVI века как вклад суздальских князей.

²⁴ О. А. Белоброва. Посольство константинопольского патриарха Филофея к Сергию Радонежскому. «Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника», вып. 2, 1958, с. 14—18.

²⁵ Т. В. Николаева. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI века. М., 1971. «Свод археологических источников», вып. Е 1—49, с. 13.

²⁶ Там же.

²⁷ J. Meyendorff. The Three Lithuanian Martyrs. Byzantium and Lithuania in the XIV Cent., "Eikon und Logos", Band 2, 1981, S. 190.

²⁸ Иконные портреты русских царей. «Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее», 1876, № 1—12, с. 6 и далее.

²⁹ Нынешний тропарь «Иже земных чести и славы» имеется в рукописях XVI—XVII вв. рукописного отдела Государственной библиотеки им. Ленина в Москве №№ 57, 354, 397.

³⁰ Опубликованы в Константинополе в 1903 и 1911 гг. («Новая библиотека церковных писателей» и «Архив церковной истории»).

³¹ J. Meyendorff. Цит. соч., с. 185.

³² Так почти во всех рукописях. Вильнюсская рукопись № 98 датирует кончину св. Антония 14-м апреля, но тут очевидная описка, так как 14 апреля, по той же рукописи (и по некоторым другим данным), — это день смерти св. Иоанна.

³³ Польский историк Литвы Станислав Смолька так объясняет странный на первый взгляд факт осуждения на смерть трех христиан при дворе Ольгерда в то время, когда столько членов княжеской семьи принимало св. Крещение, не навлекая на себя гнева князя. Весь ход истории, по словам Смольки, толкал Литву в объятия русских влияний. Но оставалась и была еще сильно преданная своим богам старая Литва, с надеждой взиравшая на Кейстута, брата Ольгерда, ревностного язычника, и видевшая в нем своего духовного вождя. Ольгерду приходилось считаться с этим. «Князьям, — говорит Смолька, — можно было креститься в «русскую веру», как называли в Литве вероисповедание Восточной Церкви. Но успехи христианства и русских влияний среди коренного литовского населения вызывали у народа ропот и недовольство. Кровь этих трех обрусевших и крещеных литовцев пролил Ольгерд, чтобы расположить к себе старую Литву и проявлением столь суровой ревности о чести отечественных богов у литовского народа оградить себя, свой двор, свою семью» (S. Smolka. Unia Litwy z Koroną. Kraków, s. 105—107).

³⁴ М. Н. Сперанский. Цит. соч., с. 30. Такой же точно текст в вильнюсской рукописи № 147.

³⁵ Dubowicz Jan, archimandryta monasteru Dermańskiego. Hierarchia abo o zwierzchności w Cerkwi Bozej. We Lwowie, 1644, с. 177—178.

³⁶ Le Patriarcat Byzantin. Les actes des patriarches. Fasc. VI. Regestes de 1377 a 1410 par J. Darrouzes A. A. Paris. 1979, акт № 2681-a.

³⁷ О. А. Белоброва. Цит. ст., с. 17.

³⁸ J. Meyendorff. Цит. соч., с. 188—189.

³⁹ Если верить Густинской летописи, празднование 14 апреля установил Московский митрополит Алексей с согласия патриарха Филофея: «В лето 6863. Посвящен бысть на митрополию Киевскую Алексѣй русин от Филофея патриархи. Сей, за благословением патриархи, устави святити день святых мученик литовских априля 14» (ПСРЛ, т. II. СПб., 1845, с. 350).